

ВЕЧНАЯ ПОЭЗИЯ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

*Мы с тобою лишь
два отголоска*

Вечная поэзия

Марина Цветаева

Мы с тобою лишь два отголоска

«Издательство АСТ»

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Цветаева М. И.

Мы с тобою лишь два отголоска / М. И. Цветаева —
«Издательство АСТ», — (Вечная поэзия)

ISBN 978-5-17-112742-8

Творчество Марины Цветаевой занимает особое место в истории русской поэзии XX века. Пылкая, бескомпромиссная, Цветаева — это всегда исповедальность, а её поэзия — поэзия на грани. Страсти на разрыв аорты, полное растворение в другом, горечь разрыва — этим полнятся её стихи. Чувства становятся строками, и чувствам-строкам нет конца. В сборник вошли избранные стихотворения разных лет, включая поэму «Царь-Девница».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-112742-8

© Цветаева М. И.
© Издательство АСТ

Содержание

Молитва	6
Франкфуртская песенка	8
Баловство	9
Привет из вагона	10
Правда	11
«Безнадежно-взрослый Вы? О нет!...»	12
Кошки	13
«Сердце, пламени капризней...»	14
«Идешь, на меня похожий...»	15
«Идите же! – Мой голос нем...»	16
«Уж сколько их упало в эту бездну...»	17
«Осыпались листья над Вашей могилой...»	19
«Под лаской плюшевого пледа...»	20
«Над Феодосией угас...»	21
«При жизни Вы его любили...»	22
«Все глаза под солнцем – жгучи...»	24
«Повторю в канун разлуки...»	25
«Мне нравится, что Вы больны не мной...»	26
«Вспомните: всех голов мне дороже...»	27
«Милый друг, ушедший дальше, чем за море!...»	28
«В гибельном фолианте...»	29
«Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!...»	30
«Откуда такая нежность?...»	31
«В огромном городе моем – ночь...»	32
«После бессонной ночи слабеет тело...»	33
«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»	34
«И взглянул, как в первые раза...»	35
«Соперница, а я к тебе приду...»	36
«И другу на руку легло...»	37
«Ты, меряющий меня по дням...»	38
«Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна...»	39
«Умирая, не скажу: была...»	40
«Ночи без любимого – и ночи...»	41
«Клонится, клонится лоб тяжелый...»	42
«Каждый стих – дитя любви...»	43
«Проще и проще...»	44
«Не смущаю, не пою...»	45
«Дружить со мной нельзя, любить меня – не можно!...»	46
«Не успокоюсь, пока не увижу...»	47
«Вы столь забывчивы, сколь незабвенны...»	48
«Мне тебя уже не надо...»	49
«Не поцеловали – приложились...»	50
«Два дерева хотят друг к другу...»	51
Царь-девица	52
Ночь первая	53
Встреча первая	60

Конец ознакомительного фрагмента.

64

Марина Цветаева

Мы с тобою лишь два отголоска

Молитва

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
– «Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки

И дай мне смерть в семнадцать лет!

Таруса, 26 сентября 1909

Франкфуртская песенка

Мы оба любили, как дети,
Дразня, испытывая, играя,
Но кто-то недобрые сети
Расставил, улыбку тая, —
И вот мы у пристани оба,
Не ведав желанного рая,
Но знай, что без слов и до гроба
Я сердцем пребуду – твоя.

Ты всё мне поведал – так рано!
Я всё разгадала – так поздно!
В сердцах наших вечная рана,
В глазах молчаливый вопрос,
Земная пустыня бескрайна,
Высокое небо беззвездно,
Подслушана нежная тайна,
И властен навеки мороз.

Я буду беседовать с тенью!
Мой милый, забыть нету мочи!
Твой образ недвижим под сенью
Моих опустившихся век...
Темнеет... Захлопнули ставни,
На всем приближение ночи...
Люблю тебя, призрачно-давний,
Тебя одного – и навек!

4–9 января 1910

Баловство

В темной гостиной одиннадцать бьет.
Что-то сегодня приснится?
Мама-шалунья уснуть не дает!
Эта мама совсем баловница!

Сдернет, смеясь, одеяло с плеча
(Плакать смешно и стараться!),
Дразнит, пугает, смешит, щекоча
Полусонных сестрицу и братца.

Косу опять распустила плащом,
Прыгает, точно не дама...
Детям она не уступит ни в чем,
Эта странная девочка-мама!

Скрыла сестренка в подушке лицо,
Глубже ушла в одеяльце,
Мальчик без счета целует кольцо
Золотое у мамы на пальце...

1910

Привет из вагона

Сильнее гул, как будто выше – зданья,
В последний раз колеблется вагон,
В последний раз... Мы едем... До свиданья,
Мой зимний сон!

Мой зимний сон, мой сон до слез хороший,
Я от тебя судьбой унесена.
Так суждено! Не надо мне ни ноши
В пути, ни сна.

Под шум вагона сладко верить чуду
И к дальним дням, еще туманным, плыть.
Мир так широк! Тебя в нем позабуду
Я, может быть?

Вагонный мрак как будто давит плечи,
В окно струей вливается туман...
Мой дальний друг, пойми – все эти речи
Самообман!

Что новый край? Везде борьба со скукой,
Всё тот же смех и блески тех же звезд,
И там, как здесь, мне будет сладкой мукой
Твой тихий жест.

9 июня 1910

Правда

Мир утомленный вздохнул от смятений,
Розовый вечер струит забытьё...
Нас разлучили не люди, а тени,
Мальчик мой, сердце мое!

Высятся стены, туманом одеты,
Солнце без сил уронило копье...
В мире вечернем мне холодно. Где ты,
Мальчик мой, сердце мое?

Ты не услышишь. Надвинулись стены,
Всё потухает, сливается всё...
Не было, нет и не будет замены,
Мальчик мой, сердце мое!

Москва, 27 августа 1910

«Безнадежно-взрослый Вы? О нет!..»

Безнадежно-взрослый Вы? О нет!
Вы дитя и Вам нужны игрушки,
Потому я и боюсь ловушки,
Потому и сдержан мой привет.
Безнадежно-взрослый Вы? О нет!

Вы дитя, а дети так жестоки:
С бедной куклы рвут, шутя, парик,
Вечно лгут и дразнят каждый миг,
В детях рай, но в детях все пороки, —
Потому надменны эти строки.

Кто из них доволен дележом?
Кто из них не плачет после елки?
Их слова неумолимо-колки,
В них огонь, зажженный мятежом.
Кто из них доволен дележом?

Есть, о да, иные дети – тайны,
Темный мир глядит из темных глаз.
Но они отшельники меж нас,
Их шаги по улицам случайны.
Вы – дитя. Но все ли дети – тайны?!

Москва, 27 ноября 1910

Кошки

Максу Волошину

Они приходят к нам, когда
У нас в глазах не видно боли.
Но боль пришла – их нету боле:
В кошачьем сердце нет стыда!

Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.
Они бегут от рабской доли:
В кошачьем сердце рабства нет!

Как ни мани, как ни зови,
Как ни балуй в уютной доле,
Единый миг – они на воле:
В кошачьем сердце нет любви!

Лето 1911

«Сердце, пламени капризней...»

Сердце, пламени капризней,
В этих диких лепестках,
Я найду в своих стихах
Всё, чего не будет в жизни.

Жизнь подобна кораблю:
Чуть испанский замок – мимо!
Всё, что неосуществимо,
Я сама осуществляю.

Всем случайностям навстречу!
Путь – не всё ли мне равно?
Пусть ответа не дано, —
Я сама себе отвечу!

С детской песней на устах
Я иду – к какой отчизне?
– Всё, чего не будет в жизни,
Я найду в своих стихах!

Коктебель, 22 мая 1913

«Идешь, на меня похожий...»

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

Коктебель, 3 мая 1913

«Идите же! – Мой голос нем...»

Идите же! – Мой голос нем
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает Вас
Высокородный стих.
Вы можете – из-за других —
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуют сил...
Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!

Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла.

11 июля 1913

«Уж сколько их упало в эту бездну...»

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет всё, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё – как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой mine
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

– К вам всем, – что мне, ни в чем
Не знавшей меры,
Чужие и свои?!
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто – слишком
грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне – прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Еще меня любите

За то, что я умру.

8 декабря 1913

«Осыпались листья над Вашей могилой...»

Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы всё-таки мой.

Смеетесь! – В блаженной крылатке
дорожной!
Луна высока.
Мой – так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я Вас целовала! Я Вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала —
Домой.

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И если для целого мира Вы мертвый,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, – чую Вас всюду!
– Что ленты от Ваших венков! —
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков!

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
– Письмо в бесконечность. – Письмо в беспредельность —
Письмо в пустоту.

4 октября 1914

«Под лаской плюшевого пледа...»

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? —
Кто побежден?

Всё передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? – Кто – добыча?
Всё дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чье сердце – Ваше ли, мое ли —
Летело вскачь?

И всё-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914

«Над Феодосией угас...»

Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.

Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

Феодосия, 14 февраля 1914

«При жизни Вы его любили...»

При жизни Вы его любили,
И в верности клялись навек,
Несите же венки из лилий
На свежий снег.

Над горестным его ночлегом
Помедлите на краткий срок,
Чтоб он под этим первым снегом
Не слишком дрог.

Дыханием души и тела
Согрейте ледяную кровь!
Но если в Вас уже успела
остыть любовь —

К любовнику, – любите братца,
Ребенка с венчиком на лбу, —
Ему ведь не к кому прижаться
В своем гробу.

Ах, он, кого Вы так любили
И за кого пошли бы в ад,
Он в том, что он сейчас в могиле, —
Не виноват!

От шороха шагов и платья
Дрожавший с головы до ног —
Как он открыл бы Вам объятья,
Когда бы мог!

О женщины! Ведь он для каждой
Был весь – безумие и пыл!
Припомните, с какою жадой
Он вас любил!

Припомните, как каждый взгляд вы
Ловили у его очей,
Припомните былые клятвы
Во тьме ночей.

Так и не будьте вероломны
У бедного его креста,
И каждая тихонько вспомни
Его уста.

И прежде чем отдаться бегу
Саней с цыганским бубенцом,
Помедлите, к ночному снегу
Припав лицом.

Пусть нежно опушит вам щеки,
Растает каплями у глаз...
Я, пишущая эти строки,
Одна из вас —

Неданной клятвы не нарушу
– Жизнь! – Карие глаза твои! —
Молитесь, женщины, за душу
Самой Любви.

30 августа 1914

«Все глаза под солнцем – жгучи...»

Все глаза под солнцем – жгучи,
День не равен дню.
Говорю тебе на случай,
Если изменю:

Чьи б ни целовала губы
Я в любовный час,
Черной полночью кому бы
Страшно ни клялась, —

Жить, как мать велит ребенку,
Как цветочек цвести,
Никогда ни в чью сторонку
Глазом не повесть...

Видишь крестик кипарисный?
– Он тебе знаком —
Всё проснется – только свистни
Под моим окном.

22 февраля 1915

«Повторю в канун разлуки...»

Повторю в канун разлуки,
Под конец любви,
Что любила эти руки
Властные твои

И глаза – кого-кого-то
Взглядом не дарят! —
Требующие отчета
За случайный взгляд.

Всю тебя с твоей треклятой
Страстью – видит Бог! —
Требующую расплаты
За случайный вздох.

И еще скажу устало,
– Слушать не спеши! —
Что твоя душа мне встала
Поперек души.

И еще тебе скажу я:
– Всё равно – канун! —
Этот рот до поцелуя
Твоего был юн.

Взгляд – до взгляда – смел и светел,
Сердце – лет пяти...
Счастлив, кто тебя не встретил
На своем пути.

28 апреля 1915

«Мне нравится, что Вы больны не мной...»

Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня – не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце не у нас над головами,
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами.

3 мая 1915

«Вспомните: всех голов мне дороже...»

Вспомните: всех голов мне дороже
Волосок один с моей головы.
И идите себе... – Вы тоже,
И Вы тоже, и Вы.

Разлюбите меня, все разлюбите!
Стерегите не меня поутру!
Чтоб могла я спокойно выйти
Постоять на ветру.

6 мая 1915

«Милый друг, ушедший дальше, чем за море!..»

Милый друг, ушедший дальше, чем за море!
Вот Вам розы – протянитесь на них.
Милый друг, унесший самое, самое
Дорогое из сокровищ земных.

Я обманута, и я обокрадена, —
Нет на память ни письма, ни кольца!
Как мне памятна малейшая впадина
Удивленного – навеки – лица.

Как мне памятен просящий и пристальный
Взгляд – поближе приглашающий сесть,
И улыбка из великого Издали, —
Умирающего светская лесть...

Милый друг, ушедший в вечное плаванье,
– Свежий холмик меж других бугорков! —
Помолитесь обо мне в райской гавани,
Чтобы не было других моряков.

5 июня 1915

«В гибельном фолианте...»

В гибельном фолианте
Нету соблазна для
Женщины. – Arg Amandi
Женщине – вся земля.

Сердце – любовных зелий
Зелье – вернее всех.
Женщина с колыбели
Чей-нибудь смертный грех.

Ах, далеко до неба!
Губы – близки во мгле...
– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!

29 сентября 1915

«Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!..»

Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться.
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем – поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,
И под землю скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.

3 октября 1915

«Откуда такая нежность?..»

Откуда такая нежность?
Не первые – эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала темней твоих.

Всходили и гасли звезды,
– Откуда такая нежность? —
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие гимны
Я слушала ночью темной,
Венчаемая – о нежность! —
На самой груди певца.

Откуда такая нежность,
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами – нет длинней?

18 февраля 1916

«В огромном городе моем – ночь...»

В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь.
И люди думают: жена, дочь, —
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие груди – в грудь.

Есть черный тополь, и в окне – свет,
И звон на башне, и в руке – цвет,
И шаг вот этот – никому – вслед,
И тень вот эта, а меня – нет.

Огни – как нитка золотых бус,
Ночного листика во рту – вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам – снюсь.

Москва, 17 июля 1916

«После бессонной ночи слабеет тело...»

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим, – ничьим.
В медленных жилах еще занывают стрелы —
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга – в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, – и от темной ночи
Только одно темнеет у нас – глаза.

19 июля 1916

«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес – моя колыбель, и могила – лес,
Оттого что я на земле стою – лишь одной ногой,
Оттого что я тебе спою – как никто другой.

Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца —
Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других – у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я – ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя – замолчи! —
У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но пока тебе не скрещу на груди персты —
О проклятие! – у тебя остаешься – ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, —
Оттого что мир – твоя колыбель, и могила – мир!

15 августа 1916

«И взглянул, как в первые раза...»

И взглянул, как в первые раза
Не глядят.
Черные глаза глотнули взгляд.

Вскинула ресницы и стою.
– Что, – светла? —
Не скажу, что выпита дотла.

Всё до капли поглотил зрачок.
И стою.
И течет твоя душа в мою.

7 августа 1916

«Соперница, а я к тебе приду...»

Соперница, а я к тебе приду
Когда-нибудь, такою ночью лунной,
Когда лягушки воют на пруду
И женщины от жалости безумны.

И, умиляясь на биенье век
И на ревнивые твои ресницы,
Скажу тебе, что я – не человек,
А только сон, который только снится.

И я скажу: – Утешь меня, утешь,
Мне кто-то в сердце забивает гвозди!
И я скажу тебе, что ветер – свеж,
Что горячи – над головою – звезды...

8 сентября 1916

«И другу на руку легло...»

И другу на руку легло
Крылатки тонкое крыло.
Что я поистине крылата,
Ты понял, спутник по беде!
Но, ах, не справиться тебе
С моею нежностью проклятой!

И, благодарный за тепло,
Целуешь тонкое крыло.

А ветер гасит огоньки
И треплет пестрые палатки,
А ветер от твоей руки
Отводит крылышко крылатки...
И дышит: душу не губи!
Крылатых женщин не люби!

21 сентября 1916

«Ты, мерящий меня по дням...»

Ты, мерящий меня по дням,
Со мною, жаркой и бездомной,
По распаленным площадям —
Шатался – под луной огромной?

И в зачумленном кабаке,
Под визг неистового вальса,
Ломал ли в пьяном кулаке
Мои пронзительные пальцы?

Каким я голосом во сне
Шепчу – слышал? – О, дым и пепел! —
Что можешь знать ты обо мне,
Раз ты со мной не спал и не пил?

7 декабря 1916

«Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна...»

Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна.
Я пью. Ты жаждешь. Сговориться – тщетно.
Нас десять лет, нас сто тысячелетий
Разъединяют. – Бог мостов не строит.

Будь! – это заповедь моя. Дай – мимо
Пройти, дыханьем не нарушив роста.
Я – есмь. Ты будешь. Через десять весен
Ты скажешь: – есть! – а я скажу: – когда-то...

6 июня 1918

«Умирая, не скажу: была...»

Умирая, не скажу: была.
И не жаль, и не ищу виновных.
Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов любовных.

Ты, – крылом стучавший в эту грудь,
Молодой виновник вдохновенья —
Я тебе повелеваю: – будь!
Я – не выйду из повиненья.

30 июня 1918

«Ночи без любимого – и ночи...»

Ночи без любимого – и ночи
С нелюбимым, и большие звезды
Над горячей головой, и руки,
Простирающиеся к Тому —
Кто от века не был – и не будет,
Кто не может быть – и должен быть...
И слеза ребенка по герою,
И слеза героя по ребенку,
И большие каменные горы
На груди того, кто должен – вниз...

Знаю всё, что было, всё, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется – Жизнь.

Между 30 июня и 6 июля 1918

«Клонится, клонится лоб тяжелый...»

Клонится, клонится лоб тяжелый,
Колосом клонится, ждет жнеца.
Друг! Равнодушие – дурная школа!
Ожесточает оно сердца.

Жнец – милосерден: сожнет и свяжет,
Поле опять прорастет травой...
А равнодушного – Бог накажет!
Страшно ступать по душе живой.

Друг! Неизжитая нежность – душит.
Хоть на алтын полюби – приму!
Друг равнодушный! – Так страшно слушать
Черную полночь в пустом дому!

Июль 1918

«Каждый стих – дитя любви...»

Каждый стих – дитя любви,
Нищий незаконнорожденный.
Первенец – у колеи
На поклон ветрам – положенный.

Сердцу ад и алтарь,
Сердцу – рай и позор.
Кто отец? – Может – царь.
Может – царь, может – вор.

14 августа 1918

«Проще и проще...»

Проще и проще
Пишется, дышится.
Зорче и зорче
Видится, слышится.

Меньше и меньше
Помнится, любится.
– Значит, уж скоро
Посох и рубище.

26 августа 1918

«Не смущаю, не пою...»

Не смущаю, не пою
Женскою отравою.
Руку верную даю —
Пишущую, правую.

Той, которою крещу
На ночь – ненаглядную.
Той, которою пишу
То, что Богом задано.

Левая – она дерзка,
Льстивая, лукавая.
Вот тебе моя рука —
Праведная, правая!

23 октября 1918

«Дружить со мной нельзя, любить меня – не можно!..»

Дружить со мной нельзя, любить меня – не можно!
Прекрасные глаза, глядите осторожно!

Баркасу должно плыть, а мельнице – вертеться.
Тебе ль остановить кружащееся сердце?

Порукою тетрадь – не выйдешь господином!
Пристало ли вздыхать над действием комедийным?

Любовный крест тяжел – и мы его не тронем.
Вчерашний день прошел – и мы его схороним.

20 ноября 2018

«Не успокоюсь, пока не увижу...»

Не успокоюсь, пока не увижу.
Не успокоюсь, пока не услышу.
Вашего взора пока не увижу,
Вашего слова пока не услышу.

Что-то не сходится – самая малость!
Кто мне в задаче исправит ошибку?
Солоно-солоно сердцу досталась
Сладкая-сладкая Ваша улыбка!

– Баба! – мне внуки на урне напишут.
И повторяю – упрямо и слабо:
Не успокоюсь, пока не увижу,
Не успокоюсь, пока не услышу.

23 ноября 1918

«Вы столь забывчивы, сколь незабвенны...»

Вы столь забывчивы, сколь незабвенны.
– Ах, Вы похожи на улыбку Вашу! —
Сказать еще? – Златого утра краше!
Сказать еще? – Один во всей вселенной!
Самой Любви младой военнопленный,
Рукой Челлини ваянная чаша.

Друг, разрешите мне на лад старинный
Сказать любовь, нежнейшую на свете.
Я Вас люблю. – В камине воеет ветер.
Облокотясь – уставясь в жар каминный —
Я Вас люблю. Моя любовь невинна.
Я говорю, как маленькие дети.

Друг! Всё пройдет! Виски в ладонях сжаты,
Жизнь разожмет! – Младой военнопленный,
Любовь отпустит вас, но – вдохновенный —
Всем пророкочет голос мой крылатый —
О том, что жили на земле когда-то
Вы – столь забывчивый, сколь незабвенный!

25 ноября 1918

«Мне тебя уже не надо...»

Мне тебя уже не надо,
Милый – и не оттого что
С первой почтой – не писал.

И не оттого что эти
Строки, писанные с грустью,
Будешь разбирать – смеясь.

(Писанные мной одною —
Одному тебе! – впервые! —
Расколдуешь – не один.)

И не оттого что кудри
До щеки коснутся – мастер
Я сама читать вдвоем! —

И не оттого что вместе
– Над неясностью заглавных! —
Вы вздохнете, наклонясь.

И не оттого что дружно
Веки вдруг смежатся – труден
Почерк, – да к тому – стихи!

Нет, дружочек! – Это проще,
Это пуще, чем досада:

Мне тебя уже не надо —
Оттого что – оттого что —
Мне тебя уже не надо!

3 декабря 1918

«Не поцеловали – приложились...»

Не поцеловали – приложились.
Не проговорили – продохнули.
Может быть – Вы на земле не жили,
Может быть – висел лишь плащ на стуле.

Может быть – давно под камнем плоским
Успокоился Ваш нежный возраст.
Я себя почувствовала воском:
Маленькой покойницею в розах.

Руку на сердце кладу – не бьется.
Так легко без счастья, без страданья!
– Так прошло – что у людей зовется —
На миру – любовное свиданье.

Начало января 1919

«Два дерева хотят друг к другу...»

Два дерева хотят друг к другу.
Два дерева. Напротив дом мой.
Деревья старые. Дом старый.
Я молода, а то б, пожалуй,
Чужих деревьев не жалела.

То, что поменьше, тянет руки,
Как женщина, из жил последних
Вытянулось, – смотреть жестоко,
Как тянется – к тому, другому,
Что старше, стойче и – кто знает? —
Еще несчастнее, быть может.

Два дерева: в пылу заката
И под дождем – еще под снегом —
Всегда, всегда: одно к другому,
Таков закон: одно к другому,
Закон один: одно к другому.

Август 1919

Царь-девица Поэма-сказка

Как у молодой змеи – да старый ўж,
Как у молодой жены – да старый муж,
Морда тыквой, живот шаром, дышит – терем дрожит,
От усов-то перегаром на сто верст округ разит.

Как у мачехи у младенькой – сынок в потолок,
Не разбойничек, не всадничек, не силач, не стрелок,
Вместо щек – одни-то впадинки, губы крепко молчат.
Как в дворцовом палисадничке гусли за полночь бренчат...
Поведешь в его сторонку оком —

Смотрит в стену.
Дай-ка боком
Д'нэнароком
Да задену!

Ночь первая

Спит Царевич, распростерся,
Спит, не слышит ничего,
Ровно палочкой уперся
Месяц в личико его.

Соврала, что палочкой:
Перстом светлым, пальчиком.
И стоит бабенка шалая
Над мальчиком.

«Скрытные твои ресницы, —
Без огня сожжена!
Отчего я не девица,
А чужая жена!

Отчего-то людям спится,
А мне плачется!
Отчего тебе не мать родная
Я, а мачеха?

На кроваточке одной
Сынок с матушкой родной.
С головеночкой льняной
Ребеночек мой!

Молчи, пес цепной!
Не реви, царь морской!
Проходи, сон дурной!
Ребеночек – мой!

В кипяток положи яйцо —
Да как не сварится?
Как на личико твое цветочное
Не зариться?

Для одной твоей лежанки
Я на свет рождена.
Я царевичу служанка —
Не царёва жена.

Обдери меня на лыко,
Псам на ужин изжарь!
Хошь, диковинный с музыкой
Заведу – кубарь?

Гляжу в зеркальце, дивлюся:
Али грудь плоска?
Хочешь, два тебе – на бусы —
Подарю глазка?

Не введу в расход, – задаром!»
А сынок в ответ,
– К взрослым пасынкам – нестарым
Мачехам ходить не след. —

* * *

«Дай подушечку поправлю!»
– Я сам примощусь! —
«Как же так тебя оставлю?»
– Я и сам обойдусь! —

«Ай пониже? Ай повыше?»
– Мне твой вид постыл! —
«Видно, разум твой мальчиший
Звоном по морю уплыл.

Али ручки не белы?»
– В море пена белей! —
«Али губки не алы?»
– В море зори алей! —

«Али грудь не высока?»
– Мне что грудь – что доска! —
«Можно рядушком прилечь?»
– Постеля узка! —

«Коль и впрямь она узка – свернусь в трубочку!
Говорливые мои шелка? – скину юбочку!
Всё, что знала, позабыла нынче за ночь я:
Я крестьяночка, твоей души служаночка!»

А Царевич ей в ответ
Опять всё то же:
Всё: негоже, да не трожь,
Не трожь, негоже!

«Али личиком и впрямь не бела?»
– Не страми родство, да брось озорство! —
«Ох, зачем тебя не я родила?»
– Мне не надо твоего – ничего! —

«Ох, височки, волосочки мои!»
– Корабельные досочки мои! —

* * *

Поздний свет в ночи, да треньканье струн...
То царевичев усердный шептун
Три свечи зажег – да вниз головой,
Да псалмы поет на лад плясовой.

На угодничков плюет, давит мух,
Черных сродничков своих славит вслух.
– Распотешь себя, душа, распотешь! —
Над лампадочкой святой клонит плешь.

– Слюнка, слюнка моя, верный плевок!
Ты в лампадочке моей – поплавок.
Я недаром старичок-колдунок:
Не царевичев ли вижу челнок?

Шея лебедем, высок, белогруд,
В нем Царевич мой, и я с ним сам-друг.
Всколыхнулася лазурная рябь:
К нам на гусельный на звон – Жар-Корабль!

Подивись со мной, пророк Моисей!
Купины твоей прекрасной – красней!
Посередке же, с простертой рукой —
Не то Ангел, не то Воин какой.

Что за притча? Что за гость-за-сосед?
Не то в латы, не то в ризы одет!
С корабля кладет две легких доски,
Да Царевичу дает две руки.

Всполохнулся мой Царевич – погиб! —
Половицы тут в ночи: скрип да скрип,
Голосочек тут в ночи: «Дядь, а дядь!
Научи меня, старик, колдовать!
Опостылела царёва кровать!
Я с Царевичем хочу ночевать».

– Что ты, матушка, кто ж с пасынком спит? —
«Царь с бутылкою в обнимку храпит.
Ты царевичеву кровь развяжи:
Коршунком ко мне на грудь положи!»

Усмехнулся в бороденку старик:
Хоть царица, а проста на язык!
Ночевать одной, поди, невтерпеж!..
– Что ж, краса, мне за работу кладешь?

«Положу тебе шесть сот соболей».
– Мне плевочек твой единый милей!

«Скат заморского сукна на кафтан».
– Из сукна того скатай сарафан!

«Так червонцев нагрину чугунок».
– Дешев, дешев тебе царский сынок!

Приклонись ко мне, Царица, ушком,
Цену сам тебе скажу шепотком. —

Помертвела ровно столб соляной,
Д'как сорвется, д'как взовьется струной,

Как плевком ему да вызвездит лоб!..
«Хам! Охальник! Худородный холоп!

Целовать тебя – повешусь допрежь!»
Старикашка ничего, вытер плешь:

– Хочешь проку, красоты не жалеи!
Погляди-ка ты в лампадный елей!

Дунь и плюнь! Сделай рябь!
Что ты видишь? – «Корабль.

Без гребцов-парусов,
Само море несет».
– Ну-кось? – «Чтой-то темно».
– Плюнь на самое дно!

Ну-кось? – «Ходко бежит!
Кто-то в лежку лежит:
Человек молодой...
– Светел пасынок мой!»

Смотрит в синюю гладь.
Ничего не видать.

– Перстень в маслице брось!
Ну-кось? – «Рученьки врозь.
Бусы в левой руке,
Гусли в правой руке.

Привалился к корме.
Думу держит в уме».

– Топни правой ногой!
Что ты видишь? – «Другой
В синеморскую хлябь
Выплывает корабь».

В сини-волны в упор
Грудь высокую впер.
Посередке – костер,
Пурпуровый шатер».

– Полный круг обойди!
Ну-кось! Зорче гляди! —

«Душу сперло в груди!
Дева всех впереди!
Великановый рост,
Пояс – змей-самохлёт,
Головою до звезд,
С головы конский хвост,
Месяц в ухе серьгой...»
– Топни левой ногой! —

Левой ножкой топнула,
Да как охнет, взглянув!
Да как навзничь грохнется,
Колен не согнув!

Да как затылком чокнется
С заслонкой печной! —
Подсмотрел в окошечко
Месяц, сторож ночной.

* * *

– Ох вы, бабьи дела келейные! —
Положил свою кладь на лавочку.
– Вынь из ближнего, из нашейного
Из платочка сваво – булавочку.

Ты упрись ею в грудь высокую,
Напой ее кровью досыта.
А пленишь молодого сокола,
Помяни и меня, красоточка! —

Дерганула рукою спешною:
Грудь раскинулась – цветом яблочным!
Вынимает из тела грешного
Пурпурóвую – всю – булавочку:

«Всю до капли кровь
За его любовь!
Всю из жилок прочь
За одну за ночь!»

Тот булавку враз
Ртом клыкастым – хватать!
– Как начнет в волнах
Дева-Зверь вставать —

И вколи ему змейку в шиворот,
Чтобы вся их любовь – навыворот!
От булавки той – будет крепко спать,
Она звать его, а он пуще спать...
Ляжет парень смирней травиночки,
От кровиночки-булавиночки.

Вру – оставь в руке
Бороденки клочок! —
А она в тоске:
«Получай залог!»
И, прильнув к бороде взъерошенной,
В ночь – с улыбочкой перекошенной.

* * *

Лежит Царевич мой бессонный,
Как лебедь крылья разбросал;
«Всё отдал бы, весь сан престольный,
Кто бы мне душу распростал!

Не естся яблочко румяно,
Не пьются женские уста,
Всё в пурпурóвые туманы
Уводит синяя верста.

Каким правителем вам буду,
Каким героем-силачом —
Я, гусяришка узкогрудый,
Не понимающий ни в чем!

Как с конницей-свяжусь-пехотой,
Когда до бабы не охоч!»
И, опершись на локоточек,
Такой унылый смотрит в ночь.

* * *

А за дверью скреб да скреб...
«Дядька, ты?»
– Я, твой лодырь,
Твой холоп-лысолоб!

Светлый колос мой, опять клонишь лоб?
Слабый голос твой меня силком приволок!

Что ж не спишь опять? – «Не сплю, не дремлю,
Дрему, радужную птицу, ловлю.
Поступь легкая, и птица близка,
Да ни сети у меня, ни силка».

– Не испить тебе бы маку? —
«Не в настойке суть!
В этих подлостях и так уж
Я увяз по грудь.

Все-то нежат день-деньской,
Тешат, нянчат, —
Ровно цветик я какой,
Одуванчик!

Отчего душа теснится,
Грудь для вздоху мала?»
– Оттого, что Чудо-Птица
В ней гнездо завила.

«Отчего на бабы речи
Весь – как ржавый замок?»
– Оттого, что узкопечий:
Не по гостье – домок!

«Отчего корабь морями
Сам без весел плывет?»
– Оттого, что за морями
Царь-Девница живет!

Встреча первая

Не слетались голуби
К окну, за крупой —
Встал Царевич сгорбленный,
Кручинный такой.

Вкруг очей – что обручи,
Набились круги.
Чай, опять на ковричек —
Да с левой ноги!

Гребешок потрагивал —
Из рук пустил!
Сапожок натягивал —
Да так застыл.

«Не понять, чем бабам
Моя суть хороша!
Руки-ноги слабые,
Как есть – лапша!

Награди халатиком,
Крещеный мир!
Цельный полк как я таких
Взойдет в мундир.

Кто б меня да турманом
Да в тартарары!
Где глаза лазурные?
Две черных дыры.

Снеговое скатерти,
Мертвец – весь сказ!
Вся-то кровь до капельки
К губам собралась!

Василька от робости
В полях не сорву.
Киньте в воду – пробочкой
Поверх всплыву!

Само солнце пятится,
Не кажет лица.
Видно, в полночь, в пятницу
На свет родился.

Дó любви нелакомый,
Себе немил —
Видно, месяц, плакамши,
Слезой обронил».

* * *

Слабыми руками
Вдоль перил витых,
Слабыми шажками
С лестничек крутых.

Не трубили зóрю
С крепостной стены.
В небесах Егорий
Не разжег войны.

Спит кузнец над горном,
Спит косарь в копне.
– Чей глазочек черный
В слуховом окне?

Что за соглядатай
Мерит даль зыбёй —
Выше голубятни,
Раньше голубей?

Нет такой вершины,
Чтоб тоске – крута!
Лучше всех аршинов —
Черный взгляд-верста.

Берегитесь, люди,
Некалёных стрел!
Ветр с кудрями-грудью,
Как любовник, смел.

Уж такой ревнитель!
Всюду – враз – рука!
Что б дружочку прыти
Взять у ветерка?

«Дар ты мой обманный,
Клад непокупной!
Ровно столб туманный,
Аль дымок степной...»

Пьет – отца хоронит,
А ступнёт шажком —
Вот сейчас обронит
Ножку с сапожком.

Шагай с косогору,
Плыви – вдаль – водой...
Не уйдешь от взору
Мачехи младой!

Всё ж на Зверь-Солдатку
Не откроешь глаз:
В вороток твой сладкий
Я змеей впилась!»

* * *

– Ох ты воля! – дорогая! – корабельная!
Окиянская дорога колыбельная!

* * *

Прискакав с ночной атаки
(На лбу – пот рососою крупной),
У окна сваво, над взморьем,
Царь-Деввица саблю чистит.

На плече на правом – голубь,
На плече на левом – кречет.
У ее подножья нянька
Ей сапожки начищает.

«Ох ты, царь мой, Царь-Деввица,
Вихрь-Деввица, Жар-Деввица!
Нету мне с тобою сладу,
Не покоишь мою старость.

Погляжу на кудри гривой,
Погляжу на взор пожаром —
Как не я тебя, а львица
Львиным молоком вскормила!

День встает – врага сражаешь,
Полдень бьет – по чащам рыщешь,
Вечер пал – по хлябям пляшешь,

Полночь в дом – с полком пируешь.

Люди спать – ты саблю точишь,
В церковь – псов из ручек кормишь.
Вся родня и отступилась.
Дай-ка правую мне ножку!»

Рассмеялась Царь-Девуца:
«Мне и любо без родни-то!
Огонь – отец мне, Вода – мать,
Ветер – брат мне, сестра – Буря.
Мне другой родни не надо!»

Осерчала нянька: «Полно
Ржать-то, ровно кобылица!
Как бы этим ржаньем всех-то
Женихов не распугала!»

Пуще Дева-Царь хохочет:
«Эка сладость – женихи-то!
Мой жених – мой меч пресветлый,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.